

Причины поражения Северо-Западной армии.

Светлейший Князь А. Ливен. Дневник.

«... Конечно, очень сомнительную роль при наступлении на Петроград сыграли эстонцы, в особенности тем, что они не обеспечили левого фланга и не сумели вести переговоров с гарнизоном Красной Горки. Только уже при отступлении присутствие их на левом фланге спасло армию от охвата с этой стороны.

Отсутствие английского флота, задачей коего был обстрел Кронштадта и Красной Горки и обеспечение левого фланга армии от десантов с моря, имело катастрофические последствия. Отсутствие его объясняется тем, что он был отозван для участия в обороне Риги от наступления Бермондта.

Почему Бермондт решился выступить вообще, и в данный момент в особенности, конечно, всегда останется загадочным. Еще за месяц до наступления на Петроград генерал Юденич был лично в Риге и вызывал к себе Бермондта, но Бермондт к нему не явился, после чего Юденич его объявил изменником русского дела.

Полковник Бермондт, называвший сам себя также князем Аваловым, был человеком весьма тщеславным и воображал, что может идти против большевиков только во главе собственной армии, которой он дал наименование Западной Добровольческой. Германцы, и в особенности генерал граф фон дер Гольц, великолепно учитывая эту черту его характера, сумели воспользоваться ею, чтобы уговорить его предпринять наступление на Ригу с русскими его войсками именно в то время, когда Юденич начал свое наступление на Петроград. В германских интересах, как их понимали германские военные, лежало, чтобы наступление Юденича не удалось, так как освобождение Петрограда с помощью союзников означало бы укрепление их влияния в столице, а следовательно, и в организации будущего русского правительства. Можно поэтому предполагать, даже если этого нельзя доказать документально, что Бермондт сознательно или бессознательно (это безразлично) действовал в интересах германской политики во вред интересам России. Почему его правительство, во главе которого стоял человек безупречной честности, несомненно преданный России, сенатор граф К. К. Пален, тоже пошло по тому же пути, можно объяснить лишь непониманием общего положения, политической близорукостью и слишком большим доверием к полководческим талантам Бермондта.

Но вина лежит также и в общем руководстве, где чувствовался недостаток сильной воли. Нельзя не упомянуть о неладах и интригах среди высшего командного состава и их штабов. Снабжение армии, когда она быстро продвигалась, технически было плохо налажено, в особенности благодаря отсутствию железнодорожного моста у Ямбурга. Конечно, и дисциплина в некоторых частях армии была не на должной высоте, и вообще к армии примкнула масса элементов нравственно нечистых, запачкавших своими действиями доброе имя армии. Но, повторю, честь героям, положившим за высокую идею воссоздания России свою жизнь, за попытку освободить родную землю от господства преступных извергов человечества — коммунистов и их споспешников и наймитов. Но стыд и срам тем, которые в минуты общего подъема опозорили имя добровольческой Северо-Западной армии и осквернили тот крест, которым армия гордится. Да поймет наконец будущая Русь, что против извергов и преступников, какими являются вожаки коммунистов, можно бороться лишь с чистыми руками, доказывая не словами, а делом, что идейные крестоносцы приходят единственно для того, чтобы сломить ту нечистую антихристианскую силу, которая временно восторжествовала на Руси. Победа над большевиками из победы военной должна обратиться в победу нравственную; пока этого не будет, никакие военные победы, как бы блестящи они ни были, не дадут России того возрождения, ради которого ведется братоубийственная война.»

А.П. Родзянко. Воспоминания о Северо-Западной армии.

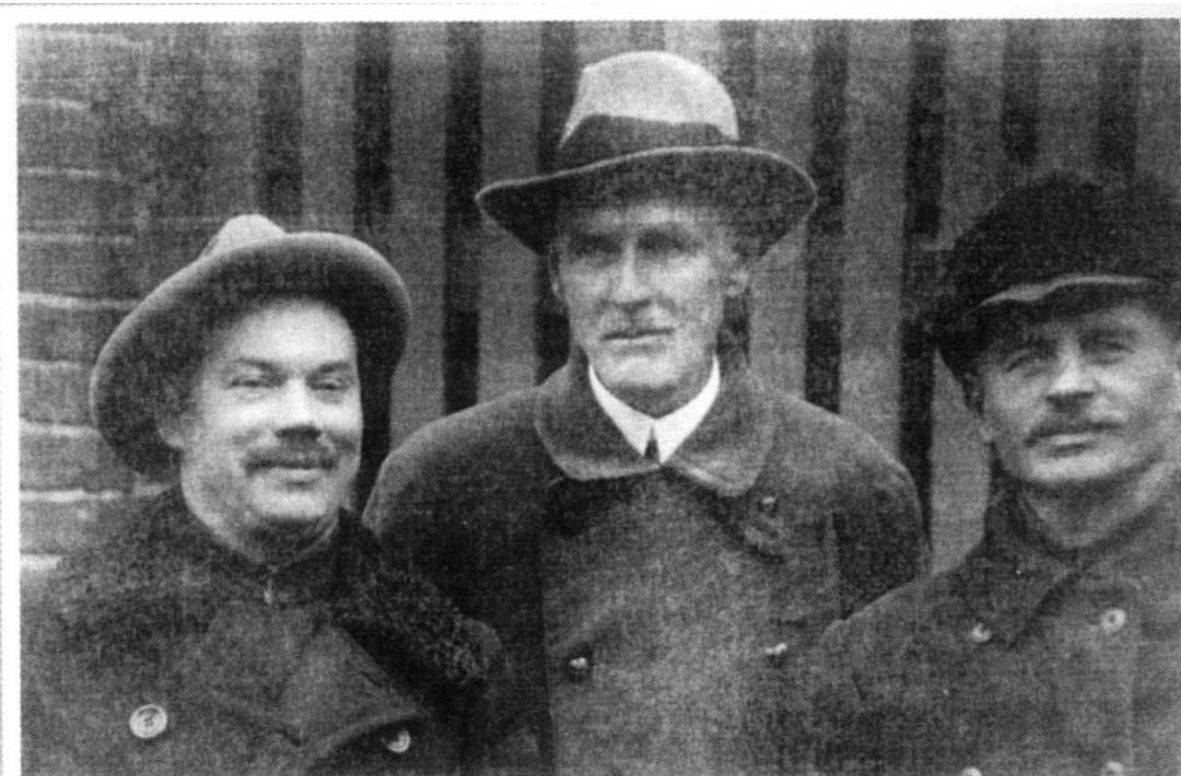
Парижское совещание, в руках которого, казалось, находились тогда все нити спасения родины, совершенно не знало истории возникновения и обстановки деятельности Северо-Западной армии, которая формировалась и вела борьбу под знаменем «Против большевиков и за Учредительное собрание». Как я уже говорил выше, приезд штаба Главнокомандующего в Нарву не оправдал надежд армии: штаб этот не пожелал ознакомиться с нуждами фронта, а тыл армии, как был до приезда его не налажен, из-за полной невозможности найти подходящих работников, так и остался неналаженным. Что такое представляло собой Парижское совещание, каковы были его цели и задачи, какие пути намечало оно для спасения родины, — ни мне, ни армии совершенно не было известно. Не имея ни копейки денег, мы не могли даже послать в Париж курьера для связи. Штаб генерала Юденича, до июля месяца находившийся в Гельсингфорсе, сведения давал нам самые скудные. Не улучшилось наше положение и после переезда его на южный берег Финского залива, и мы по-прежнему продолжали находиться в полном неведении того, что делалось в Европе. Единственное, что мы знали, было то, что лозунг «Великая, Единая, Неделимая» окончательно отшатнул от нас эстонцев, на которых мы волей-неволей должны были опираться, и лишил этим армию твердой базы. Политическое совещание при генерале Юдениче, подобно его штабу, тоже не пожелало ознакомиться с положением армии и совершенно игнорировало командующего этой армией. Что касается общественных деятелей, то они старались играть крупные роли, пытались дать понять, что они являются создателями и вдохновителями армии, перебывали друг у друга министерские портфели (я уже говорил о том, как присяжный поверенный Иванов просил меня поддержать его кандидатуру на пост премьер-министра) и только вносили рознь в армию. В несчастье, случившемся с Северо-Западной армией, мы, русские, должны прежде всего обвинить самих себя: вместо того чтобы дружно сплотиться для борьбы с большевизмом, представители интеллигенции и буржуазии, способные работать и приносить пользу, разбились на группы и занялись партийными спорами, желая восстановить родину именно по своей программе и тем только ослабляя общие, необходимые для борьбы силы. Совершенно необъяснимо было нежелание Главнокомандующего и его штаба допустить в армию некоторых офицеров, желавших работать для освобождения родины, причем как мотив выдвигалось обвинение их в немецкой ориентации, а это лишало армию весьма ценного элемента. Большинство бежавших из-под большевистского ига думали только об устройстве своего личного благосостояния и яростными партийными выступлениями за границей думали оправдать свое нежелание принять участие в непосредственной борьбе с большевиками, охотно предоставляя эту честь горсти смелых и действительно любящих свою родину людей. Партийные споры результатов никаких не дали, а честных борцов на фронте погибло из-за них немало. Читающему эти строки я поставлю один вопрос: что важнее — родина или партия?

Дневник адмирала В.К. Пилкина «27 ноября 1919 года.

...Юденич мне рассказывал о Кавказе, молоканах, «которые здорово поют», о чудесных фургонах, в которых молокане-извозчики четверкой перевозят громадные грузы. Они много зарабатывают, и гуся у них, например, не купить в деревне. Зачем, сами съедем. Юденич был в хорошем настроении духа, шутил, смеялся, потом мы зашли с ним в музей Петра Великого. Я невольно думал, что он... равнодушен к своей армии. Может быть, равнодушен к русскому делу, и даже наверное, но офицеры и солдаты для него... пустой звук. Я заметил, что невольно стал относиться к Юденичу свысока. Мы встретили двух оборванных красноармейцев, пленных конечно. Юденич не остановился, не спросил их ни о чем, что, наверное, сделал бы, ну... Скобелев! Прошло несколько наших солдат; они не заметили даже Юденича, не узнали его, не знают его, да и откуда им знать его?

Вернувшись домой, он корректировал, редактировал составленную мной для него телеграмму, и я увидел в нем по-прежнему умного и тонкого человека.»

Полковник Бермондт-Авалов и члены его штаба

Слева направо: К.И. Дыдоров, А.П. Ливен, А.Д. Данилов, Латвия 1929 год (фото предоставлено Г.К. Феофиловой-Дыдоровой).

Генерал Арсеньев в эмиграции (30-е годы).

Ген.-м. Л. А. Бобошко.

Генерал М.В. Ярославцев. «Последние дни Северо-Западной армии».

«...В виду большого возмущения в строевых частях делами сытого, благодушного тыла, командующим армией были организованы две следственно-ревизионные комиссии: одна в г. Ревеле под председательством ген.-лейт. Баиова, другая - в Нарве под моим председательством из строевых офицеров с участием юристов и контролеров. В виде меры пресечения председатели получили право ареста и обысков. Днем члены Нарвской комиссии вели работы по проверке складов интендантства и инженерного отдела армии, отчетности и производили расследование по укрытию и продаже казенного имущества, а вечером в здании суда происходили общие собрания, па коих заслушивались доклады, принимались к исполнению новые дела и определялся распорядок следующего дня. Мелких злоупотреблений, случаев попустительства и т.п. совсем не касались, ибо и крупных дел было более чем достаточно. На основании расследований и имевшихся документов были установлены: продажа военнослужащими в свою пользу - вагона спичек, спекуляции с «Юденками», ряд невыгодных для армии договоров с поставщиками, грабежи мирных жителей, убийства, имевших ценные вещи под видом коммунистов и т.п.... Худшая отчетность была в Управлении Воен. Сообщений, некоторые заведующие интендантскими складами и мастерскими проявили необыкновенную ловкость по сокрытию недостатков имущества... Контрразведывательный отдел Штаба Армии сжег свой архив в ночь перед приходом комиссии. Серьезные обвинения были предъявлены капитанам штаба 1-го стр. корпуса Шахурипу и Козлову; вообще больше всего было жалоб на своеволие и насилия чипов контрразведывательных отделений. Нами был собран громадный материал по выявлению преступлений; вес это хранится в настоящее время в архиве прокурора Эстонской республики и в копиях у некоторых членов комиссии. Лишь только деятельность комиссии начала разворачиваться, как произошло сокращение числа штабов и учреждений армии; шесть дивизий были сведены в три, а штабы корпусов упразднены и мне пришлось уступить вновь сформированную из 4-ой и 5-ой (Ливенской) - 3-ю стрелковую.

Уезжая к месту стоянки се штаба в Пюхтицу, я передал председательствование в Комиссии полковнику Артюхову. Впоследствии Комиссии пришлось закапчивать свою работу в крайне неблагоприятных условиях ликвидации армии на эстонской территории. Правительство эстонское не захотело возиться с преступниками нашей армии и выслало их за пределы страны; ушедшие от возмездия за уголовные дела не преминули начать распространение слухов, порочащих армию и лиц, их объединявших, мстя за правосудие, но настанет час, когда будут опубликованы их позорные деяния, погубившие Белую идею. Наша армия шла с лозунгом: «Долой насильников, да здравствует право и истинная свобода» - и над нею развивалось белое знамя - символ чистоты, па рукавах воинов были кресты и национальные ленточки и потому лица, запятнавшие себя в этих условиях гнусными преступлениями, являются врагами нашими больше, чем большевики, и их имена должны быть известны всем в эмиграции, а затем и в возрожденной России.»